

**ОТ ШУМЕРОВ ДО ГЕРМАНЦЕВ:
ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЯ К ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ЭПИЧЕСКОМ МИРОВОСПРИЯТИИ**

канд. филол. наук, доц. **Е.В. ЛУШНЕВСКАЯ**
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)
e-mail: k.lushneuskaya@psu.by

В статье рассматривается проблема отношения к жизни и смерти в эпическом мировосприятии в контексте «большого времени». Исследуются известные эпические памятники – шумерский «Эпос о Гильгамеше», древнегреческая «Илиада» Гомера и немецкая «Песнь о Нибелунгах». Положенные в основу эпосов события «героической эпохи» (схожий общественный и политический строй, религиозные верования и мировоззрение) делают возможным поиск типологических сходств. Проблема отношения к смерти занимает центральное место в эпосе. Воспетая потомками гибель героя – основа его бессмертия. Данная концепция характерна для большинства эпических произведений. В статье утверждается мысль о бренности человеческого бытия перед волей судьбы.

Ключевые слова: шумерский эпос, германский эпос, «героическая эпоха», смерть героя, слава, бессмертие, судьба.

Введение. Экзистенциальная проблема отношения к жизни и смерти актуальна не только для философов, религиоведов и психологов, уже долгое время эта проблематика находится в поле зрения литературоведов. Особый ракурс проблеме жизни и смерти придают исследования древнейших текстов человеческой цивилизации. Разумеется, в эпосе шумеров, греков, индийцев и германцев ключевую роль играет смерть (чаще гибель) героя, в противном случае понятие «героический эпос» потеряло бы свое смысловое наполнение. Интересным является отношение героев к неизбежности смерти, принимающее крайние формы от поиска посмертной славы до боязни смерти.

При анализе данной проблемы различных героических эпох мы опираемся прежде всего на самые значимые эпические памятники: у шумеров – «Эпос о Гильгамеше» (аккад. *ša nagba imuru*), у древних греков – «Илиаду» (др.-греч. *Ἰλιάς*) Гомера и у германцев – «Песнь о Нибелунгах» (нем. *Das Nibelungenlied*). Несмотря на то, что в данных памятниках нашли отражения различные культуры, их объединяют схожий общественный и политический строй, религиозные верования и мировосприятие. «Героические эпохи», относящиеся у разных народов к разным периодам, вовсе не являются литературным вымыслом, а представляют собой очень важный для истории цивилизации этап общественного развития [1, с. 232–242]. С.Н. Крамер, сопоставляя шумерские сказания, написанные в 3 тыс. до н. э., с гомеровскими поэмами и западноевропейским средневековым эпосом, вычленил общие содержательные и структурные элементы героического эпоса: полубожественный герой, мотив похода с другом и дружиной в далекую страну для свершения подвигов, мотив вешего сна, сражения с сильным животным, змеборческий (драконоборческий) мотив и т.п. Всё это дало почву для исследования данных памятников в призме типологически общего для них мотива смерти.

Основная часть. Письменное оформление эпических произведений произошло многим позже описываемых в них событий, чему предшествовала долгая история их устного бытования. Многие были утрачены, некоторые песни вошли в уже литературные памятники в сильно измененном и расширенном виде. Нередки случаи включения в эпос не только фактов исторической действительности, но и мифических и сказочных элементов (сверхъестественная сила героя, чудесные испытания, вещие сны и т.п.). Для них характерно соединение нескольких эпох. Нередко в эпосе «просвечивает» время создания или письменного оформления памятника.

В композиционно-стилевом отношении эпические произведения насыщены использованием формул и постоянных эпитетов, повторами и детализированными описаниями. Для придания достоверности происходящему нередко случаи использования прямой речи. Все эти и не только черты присущи в такой же степени «Эпосу о Гильгамеше», как и «Илиаде» или «Песни о Нибелунгах». Трудно себе представить, чтобы такой своеобразный по стилю и форме жанр, как эпическая поэзия, мог возникнуть совершенно самостоятельно в разных странах в самые разные эпохи. Герои эпоса – Гильгамеш, Ахилл и Зигфрид – типичные представители «героического века» (С.Н. Крамер). Герои совершают приключения и подвиги не во славу своего народа, общины или государства, а прежде всего в силу своих личных интересов. Гильгамеш представлен противником воли судьбы, Ахилл и Зигфрид, наоборот, принимают вызов судьбы, тем самым обрекая себя на смерть. Эпические герои – фигуры трагические, пример тщеславия и свободолюбия, жаждущие славы и бессмертия; только путь к славе у них различный, несмотря на то, что путь каждого из них полон приключений и испытаний.

Рассмотрим основные этапы жизни эпического героя. Здесь необходимо сказать, что для более полной биографии героев недостаточно текстов самого эпоса, необходимы дополнительные сведения из других источников, мифов или сказаний.

Как правило, герой имеет божественное или знатное происхождение. Гильгамеш – богочеловеческое существо. В нём есть и божественное, и человеческое. Гильгамеш представлен, прежде всего, как шумерский правитель, сын царя. Но, в некотором роде, в любом человеке есть божественное, и в этом смысле Гильгамеш просто выражает,

показывает богочеловеческую сущность любого человека. Аналогичным образом обстоят дела с Ахиллесом и Одиссеем. Согласно германскому эпосу, Зигфрид (Сигурд) являлся наследником престола Нидерландского. На божественное происхождение героя указывает и А.Я. Гуревич, утверждая, что «в большинстве версий Сигурд назван сыном Сигмунда, сына Вельсунга, причем имя Вельси – одно из имен Одина» [2, с. 432]. Он, как и другие эпические герои, наделен сверхъестественной силой. Шумерский герой описывается как своенравный, буйный человек. В этом контексте вспоминается поведение германского королевича Зигфрида, который несмотря на предупреждения, отправляется на опасные приключения, будь то добыча невесты, война с саксами или охота на дикого зверя. Отличие свирепого Гильгамеша – в его самоуправстве и безнаказанности: пользуясь своим положением, он не оставляет без внимания ни одну из невест своего города Урука, отчего страдает народ. Кстати, Гильгамеш и Зигфрид в отличие от героев испанского и французского эпосов не являются национальными героями. Их стремления сводятся к поиску личной славы, а в случае с Гильгамешем, еще и к обретению бессмертия.

Совершать подвиги Гильгамешу помогает верный друг Энкиду, Ахиллесу – Патрокл, Зигфрид же сам выступает в роли «побратима» и помощника Гунтера и Хагена. И Ахиллес, и Энкиду, и в какой-то мере Хаген принадлежат к миру полубожественного. Только Зигфриду и Ахиллесу полубожественные-получеловеческие черты приданы благодаря их неуязвимости: один омывается кровью дракона, другой окунается в воды Стикса. У Энкиду и Хагена – это черты полуживотного-получеловека. *«Отцинула глины, бросила на землю, / В степи Энкиду, создала героя, / Тишины порождение, творенье Нинурты, / Шерстью покрыто всё его тело, / Подобно женщине, волосы носит, / Пряди волос, как хлеба густые; / Ни людей, ни мира не ведал, / Словно Шаккан, одеждой одет он / Вместе с газелями ест он травы, / Вместе со зверьми к водопою теснится, / Вместе с тварями сердце радуется водою»* [3, с. 33], – так описывается в «Эпосе о Гильгамеше» Энкиду. Звероподобными чертами в «Песни о Нибелунгах» наделен Хаген. Например, Ф. Р. Шрёдер ссылается на одно из значений имени Хагена (от *haganaz*) – «племенное животное» или «прирученный кабан» [4, S. 119]. В противопоставлении Зигфрид – Хаген Ф. Р. Шрёдер видит противоборство бога и дьявола. «Судьба, постигшая его во время охоты на кабана, встречает его в образе враждебного злого духа, представленного во многих религиях в образе вепря» [4, S. 119].

Интересно, что в сюжет «Эпоса о Гильгамеше», как и в эпос о Нибелунгах, включается образ женщины. Энкиду, вступив в связь с женщиной, приобретает черты человека, так как зверь уходит от него. Здесь мы имеем дело с браком, имеющим некоторое священное значение. Через брак Энкиду перестал быть диким, стал человекоподобным. В «Песни о Нибелунгах» после брачной ночи метаморфозы происходят с девой-воительницей Брюнхильдой: она теряет силу, превращается в обычную женщину. Кстати, говоря о браке, как в шумерском, так и в германском, да в принципе и древнегреческом эпосах присутствует мотив присутствия жениха на свадьбе своей невесты. Здесь на помощь приходят различные источники эпоса. Так, например, из эддических сказаний нам известно о связи между Сигурдом-Зигфридом и Брюнхильд-Брюнхильдой. Позже в эпосе описывается, как в один день происходит свадьба Зигфрида с Кримхильдой, а Гунтера с Брюнхильдой. Таким образом Зигфрид оказывается на свадьбе своей невесты. Подобный мотив встречается в эпосе о Гильгамеше. Между героями Гильгамешем и Энкиду завязывается поединок за право возлечь с Ишхарой: *«Было в ту ночь для Ишхары постелено ложе, / Но Гильгамешу, как бог, явился соперник: / В брачный покой Энкиду дверь заградил ногою, / Гильгамешу войти он не дал. / Схватились в двери брачного покоя, / Стали биться на улице, на широкой дороге, – / Обрушились сени, стена содрогнулась. / Преклонил Гильгамеш на землю колена, / Он смирил свой гнев, унял свое сердце»* [3, с. 43]. Забыв о поединке, герои становятся друзьями.

Дальше герои решают совершить подвиг – победить Хумбабу и добыть кедровый лес для жителей города Урук. Вспомним, что победа над чудовищем – обязательное испытание для героя эпоса. Зигфрид сражается с драконом и саксами, Роланд – с маврами, Ахиллес и Одиссей – с троянцами. Герои ищут славы. Так, Гильгамеш говорит Энкиду: *«Друг мой, далеко есть горы Ливана, Кедровым те горы покрыты лесом, Живет в том лесу свирепый Хумбаба, – / Давай его вместе убьем мы с тобою, / И все, что есть злого, изгоним из мира! / Нарублю я кедра, – поросли им горы, – / Вечное имя себе создам я!»* [3, с. 44]. В словах Гильгамеша усматривается желание достичь бессмертия путем приобретения славы.

Отметим также, что герои эпоса изначально наделены сверхъестественными способностями, силой, неуязвимостью. Сигурд (Зигфрид) способен понимать язык птиц, одолевает деву-воительницу в трех испытаниях, покрыт роговой кожей. Зигфрид понимает, что не в силах противостоять смерти. Им движет желание славы, а достойная гибель в сражении не что иное как повод быть воспетым в веках. Несмотря на обладание сверхъестественной силой, германские герои не отождествляют себя с божественным. Как и Зигфрид, так и Хаген понимают неизбежность судьбы и смерть как конечную участь человека. Через осознание своей смертности у героев «Нибелунгов» происходит идентификация с человеческим. Ахилл из «Илиады» также несмотря на свой горячий нрав, силу и храбрость, понимает, что человек смертен. Даже стремление богов сделать своего сына бессмертным не спасает его от гибели: раненный в уязвимое место, Ахиллес умирает.

Гильгамеш не желает смириться с человеческой участью. Он осознает свою силу в своем божественном происхождении и не желает признать свою смертность как человек. Однако смерть Энкиду утверждает торжество божественной власти, превосходящей даже сверхсилу человека. Гильгамеш начинает испытывать настоящий страх перед смертью. Гильгамеш осознает, что его также ожидает смерть: *«Так же как он, и я не лягу ль, / Чтоб не встать во веки веков?»* [3, с. 89]. Герой понимает, что часть божественного в его происхождении уступает человеческому в нем, и его также постигнет судьба человека, так как он создан смертным.

Смерть не может не пугать героев эпоса. Вспомним, как описывает автор «Песни о Нибелунгах» стелания и плач Кримхильды. В мгновение ока она из прекрасной королевы превращается в печальную вдову: «*Не вымолвив ни слова, упала вдруг она / Без чувств на землю, страшной тоской удручена. / Пригожая Кримхильда очнулась, пробудилась / И вскрикнула так громко, что вся свѣтлица огласилась*» [5, с. 260]. Автор усиливает впечатление от этой сцены, детально описывая внешность героини, противопоставляя «белоснежной коже» и «светлым глазам» Кримхильды ее кровавые слезы: «*Ко гробу королева была подведена, / Рукою бѣлоснѣжной приподняла она / Головушку Зигфрида и долго цѣловала. / Изъ свѣтлыхъ глазъ отъ горя не слезы, кровь у ней бѣжала*» [5, с. 268]. Сравним, как Гильгамеш сокрушается над трупом своего друга: «*Закрыв он другу лицо, как невесте, / Сам, как орел, над ним кружит он, / Точно львица, чьи львята – в ловушке, / Мечется грозно взад и вперед он, / Слово кудель, раздирает власы он, / Слово скверну, срывает одежду*» [3, с. 76]. А вот описание скорби Ахилла: «*Обеими руками схватил он пепел от очага и посыпал им голову. Рассыпался пепел по его одежде. Упал Ахилл на землю и начал рвать от горя волосы. Плакал и молодой Антилох. Он держал за руку Ахилла, чтобы не покончил тот с собой от горя. Громко рыдал Ахилл*» [6, с. 383]. Слезы и выдирание волос сродни некому ритуальному акту и являлось своеобразным жертвоприношением [7, с. 374]. Ахилл, так же, как и Гильгамеш, потеряв друга Патрокла, бросает вызов судьбе: «*“Смерти же я не боюсь! Никто не избежит смерти, не избежал её и великий Геракл, хотя и любил его Зевс-громовержец, его отец. Я готов умереть там, где сулил мне рок, но прежде добуду я великую славу. Нет, не удерживай меня, мать! Ничем не удержишь ты меня!”*» [6, с. 384]. Герои в «Песни о Нибелунгах» или в «Илиаде» смирились с их судьбами людей, именно «это осознание является необходимым условием героизма», – утверждает Ю.С. Обидина [8, с. 23]. Путь к славе делает героев бессмертными.

В эпосе о Гильгамеше главный герой не только стремится к славе. После смерти своего друга он вынужден осознать бренность бытия и желает достичь бессмертия в истинном смысле этого слова. Гильгамеш отправляется на поиски Утнапишти, который избежал смерти во время потопа. Гильгамешу кажется, что тот обладает тайным знанием, которое позволило ему выжить. Известно, что Утнапишти построил ковчег и смог спастись. Кроме того, Утнапишти знает о цветке бессмертия, который также желает добыть Гильгамеш. Однако стоит Гильгамешу оставить без присмотра добытый в преисподней цветок, как его съедает змея и тут же сбрасывает кожу, что служит доказательством чудодейственной силы растения: «*Змея цветочный учуяла запах, / Из норы поднялась, цветок утащила, / Назад возвращаясь, сбросила кожу*» [3, с. 108]. Гильгамеш осознает, что ему никогда не достичь бессмертия... Этот небольшой по объёму эпизод насыщен символизмом и вызывает массу параллелей как со средневековыми легендами о Граале, видением о посещении загробного мира, а также с библейскими сюжетами о всемирном потопе и змее-искусителе. Сам цветок с шипами отсылает к символу розы, символу Богородицы или Иисуса Христа.

Символично и место, куда должен отправиться в поисках бессмертия Гильгамеш. Гильгамеш выходит на берег океана смерти, касание вод которого, по словам Утнапишти, несет гибель. Мотив переправы мертвецов в загробный мир зафиксирован во многих мифологических источниках. В «Песни о Нибелунгах» однажды Зигфрид отправляется «за море», а Хаген переправляет войско через Дунай, которому не суждено было вернуться: «*“Съ тобой”, так молвил Гагенъ: “случится здѣсь бѣда, / Фогтъ рейнскій, можетъ: видишь, какъ разлилась вода! / Взгляни на эти волны, на высоту валовъ! / Я чай, сегодня многихъ здѣсь сгубимъ мы лихихъ бойцовъ”*» [5, с. 325]. В целом, преодоление водной преграды было опасным для древнего человека. Отметим, что «вода могла, согласно представлениям язычников, выступать не только как спасительное, священное начало, но и как источник зла, гибели, смерти (дихотомия “жизнь – смерть”») [7, с. 380]. Если герои «Песни о Нибелунгах» осознают свою трагическую участь, то у Гильгамеша ещё теплится надежда на бессмертие. Осознание безысходности приходит постепенно. Сначала богиня Сидури указывает герою на его человеческое происхождение: «*“Гильгамеш! Куда ты стремишься? / Жизни, что ищешь, не найдешь ты! / Боги, когда создавали человека, – / Смерть они определили человеку, / Жизнь в своих руках удержали. / Ты же, Гильгамеш, насыщай свой желудок, / Днем и ночью да будешь ты весел, / Праздник справляй ежедневно, / Днем и ночью играй и пляши ты!”*» [3, с. 90]. Затем украденный змеёю цветок бессмертия ставит все точки над «і». Гильгамеш возвращается в родной город и продолжает свое правление. Единственное, на что надеется эпический герой – слава, которая будет воспета ему за деяния потомками.

Заключение. Таким образом, экзистенциальной проблеме отношения к жизни и смерти придается новый ракурс в призме «большого времени». Эпические памятники «Эпос о Гильгамеше», «Илиада» Гомера и «Песнь о Нибелунгах» объединены типологическими сходствами, обусловленными схожими общественно-политическими и религиозно-мировоззренческими явлениями.

Особое значение приобретает отношение к судьбе. В «Песни о Нибелунгах» и «Илиаде» отсутствуют указания на размышления о смерти. Наоборот, герои осознают неизбежность судьбы, сулящей смерть. Сражения, которые описываются в эпосе, будь то сражение с чудищем, гуннами или троянцами, происходят между людьми и заканчиваются гибелью героев вне зависимости от вмешательства богов. В «Эпосе о Гильгамеше» герой задумывается о смысле жизни и после смерти друга пытается обрести бессмертие. Все попытки оказываются тщетными. Так или иначе, эпические герои (не исключено, что они имеют исторических прототипов) приобретают бессмертие, став центральными персонажами легендарных произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крамер С.Н. История начинается в Шумере / под ред. и с предисл. В.В. Струве; пер. Ф.Л. Мендельсона. – М.: Наука, 1965. – 256 с.
2. Гуревич А.Я. Сигурд // Мифы народов мира: в 2 т. – М.: Сов. энцикл., 1982. – Т. 2 : К–Я / С.А. Токарев. – С. 432–433.
3. Эпос о Гильгамеше / пер. И.М. Дьяконова, Р.М. Нуриллина ; ст., прим. А. Янковского-Дьяконова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – 176 с.
4. Schröder F. R. Sigfrids Tod // Germanisch-Romanische Monatsschrift. – Heidelberg, 1960. – № 41. – S. 111–122.
5. Песнь о Нибелунгах. С введением и примечаниями / пер. М.И. Кудряшев – СПб.: Тип. Лебедева Н.А., 1889. – 440 с.
6. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. – М.: Эксмо, 2019. – 576 с.
7. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 1996. – 415 с.
8. Обидина Ю.С. Герой и смерть: проблема идентификации личности (на примере гомеровского эпоса) // Вестник Марийского государственного университета. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. – 2018. – Т. 4, № 1. – С. 20–25.

Поступила 16.12.2024

**FROM THE SUMERIANS TO THE GERMANS:
THE PROBLEM OF ATTITUDE TO LIFE AND DEATH IN THE EPIC WORLDVIEW**

E. LUSHNEVSKAYA
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article examines the problem of attitude to life and death in the epic worldview in the context of 'big time'. Famous epic monuments such as the Sumerian 'Epic of Gilgamesh', the ancient Greek 'Iliad' by Homer and the German 'Nibelungenlied' are studied. The events of the 'heroic age' that the epics based on (similarities in social and political system, religious beliefs and worldview) make it possible to search for typological parallels. The problem of attitude to death has always played a key role in the epics. The hero's death, glorified by his descendants, is the basis of his immortality. This concept is characteristic of the most epic works. The article asserts the idea of the frailty of human existence before the will of fate.

Keywords: Sumerian epic, 'heroic age', hero's death, glory, immortality, fate.